

РЕЦЕНЗИИ

Richard Youngs, *The European Union and the promotion of democracy. Europe's Mediterranean and Asian Policies*, Oxford Studies in Democratization, Oxford University Press, 2001, p. 267

Книга *The European Union and the promotion of democracy. Europe's Mediterranean and Asian Policies*, принадлежащая перу Ричарда Янгса, является одним из результатов исследовательского проекта, проводимого по заказу Европейской комиссии и касающегося всей деятельности Европейского Союза по пропаганде демократии. Автор публикации намеревался дать оценку мероприятиям, способствующим развитию демократии в трех регионах: Восточной Азии, Северной Африке и на Ближнем Востоке, учитывая значение для двух последних территорий т. н. Средиземноморского сотрудничества. *The European Union...* издана в серии *Oxford Studies in Democratization*, в рамках которой публикуются разработки, посвященные сравнительным исследованиям процесса демократизации, являющегося следствием окончания холодной войны.

Масштаб анализа, произведенного автором в шести главах публикации, охватывает как проблемы теоретического, так и эмпирического характера, при этом в основе его лежит задача сравнения стратегий пропаганды демократии в мире. Конечно, выбор данного исследовательского метода predetermined не выраженным эксплицитно, но необходимым предупреждением, что во внешней политике Европейского Союза функционирует много стратегий, которые характеризуются свойственными им достоинствами и несовершенствами, отдельными мотивациями, различны также их связи с другими целями внешней политики. С другой стороны, глядя на проблематику пропаганды демократии с точки зрения государства, являющегося «получателем» или «адресатом» деятельности, существенное значение имеет рассмотрение вопроса о том, достигают ли успеха и если да, то в какой степени целена-

правленные пропагандистские стратегии. Автор представляет главные течения ведущейся на эту тему дискуссии, не предлагая в то же время окончательного решения: экономические зависимости и связи, использование института экономической обусловленности (*conditionality*), поддержка развития и стандартизация, находящиеся в оппозиции по отношению к политически обусловленным проектам и программам помощи, противоположные мнения на тему соответствия действий, пропагандирующих демократию, безопасности и торговым интересам западных государств, оптимальная комбинация подхода *bottom-up* и *top-down*. Указание существующих противоречий позволяет обосновать подход автора к рассматриваемым проблемам: не вдаваясь в споры, он сосредоточивается на изучении конкретных случаев, на основании которых можно заметить существование внешнего аспекта процесса демократизации государств.

Специфика действий, направленных на пропаганду Европейским Союзом демократии, требует, как это отмечено в одной из первых глав работы, анализа двух вопросов. Во-первых, как построены стратегии пропаганды и как их отдельные элементы внедряются в жизнь. Во-вторых, до какой степени государства-члены склонны действовать совместно. А конкретно – какими инструментами государства располагают и в каком масштабе склонны их использовать в действиях сообществ.

Несмотря на то, что проведение деятельности, направленной на развитие демократии, соблюдения прав человека и главенства закона предусматривалось в списке целей Европейского Союза (на основании положений Маастрихтского договора), а в бюджете учитывались средства, позволяющие финансировать планируемую деятельность, расходные суммы и внедряемые программы были лишены всяких административно-координационных рамок. До возникновения в 2001 г. *Europe Aid Office* практически невозможно было определение величины расходов, связанных с развитием демократии, размера участия отдельных государств-членов, эффективности внедряемых проектов или логики размещения финансовых средств.

Еще одним инструментом, введенным в жизнь в 1995 г., является клаузула о правах человека и демократии (*Human Rights and democracy Clause*), учитываемая в каждом договоре, заключаемом с третьим государством, которая позволяет

приостанавливать действие его положений в случае несоблюдения демократических принципов и основных прав человека. Оба инструмента на практике оказались несовершенными: в первом случае по причине отделения координационно-контрольного механизма от центра принятия решений, во втором – из-за процедурных ограничений (напр., неприменение клаузулы в секторных договорах).

Подробное описание недостатков и недочетов, а также ответы на цитируемые выше вопросы даются в следующих главах публикации, посвященных поочередно сотрудничеству Европейского Союза с государствами бассейна Средиземного моря, углублению анализа случая Алжира, отношениям ЕС с Восточной Азией и Китаем.

Выбор регионов неслучаен. Янгс замечает существенные подобия, характеризующие политику поддержки развития демократии Европейского Союза, адресованную как государствам Северной Африки, так и Восточной Азии.

В 90-е гг. XX века значение как государств бассейна Средиземного моря, так и азиатских стран в международных отношениях ЕС систематически возрастало. В случае Азии это происходило по меньшей мере по двум причинам: во-первых, благодаря стремлению Европейского Союза оказать политическое влияние на ситуацию в регионах, не являющихся ближайшими соседями государств-членов, во-вторых, благодаря растущему значению экономических интересов ЕС в регионе. Обоснование значения Северной Африки несколько иное. Существование угроз (терроризм, приток нелегальных иммигрантов) привело к тому, что проблемой приоритетного значения стала безопасность. В то же время выработка единой позиции в отношении этой группы государств была связана с определением единого отношения к исламу и его влиянию на политическую жизнь. В отношении обоих регионов основным принципом политики ЕС было связывание процесса демократизации с достижением экономических и стратегических целей, в обоих цели политики разошлись с практикой их реализации: деятельность ЕС в этом смысле можно считать недостаточной и, более того, лишенной внутреннего единства.

Стратегия Европейского Союза в отношении государств бассейна Средиземного моря в 90-е гг. состояла в создании условий, способствующих развитию демократии таким образом, чтобы не вызывать антизападных (и антидемократических) реакций – путем углубления экономической и обществен-

ной интеграции. В то же время анализ мероприятий, проводимых ЕС, позволяет утверждать, что государства-члены вполне удовлетворяла частичная политическая либерализация, без обязательности стремления к полной демократизации. Автор обращает внимание на то, что одним из факторов, тормозящих развитие демократии в регионе, было отсутствие прогресса в ближневосточном процессе мирного урегулирования. Средиземноморское партнерство, охватывающее как Израиль, так и Палестинскую автономию, в соответствии со своими основополагающими целями, должно было дать возможность примирения сторон конфликта, установления экономического сотрудничества и общественного диалога. На практике отделение этих задач от процесса мирного урегулирования оказалось невозможным. Арабские страны настаивали на использовании экономических инструментов партнерства как орудия давления на Израиль. Нежелание Европейского Союза пойти на такое решение ослабляло мотивацию государств региона к демократизации.

Ситуация в Алжире представляет собой хорошую иллюстрацию фактической иерархии целей Европейского Союза. Деятельность, связанная с безопасностью государств-членов, имеет несомненное преимущество перед деятельностью, ориентированной на развитие демократии в третьих государствах. Как масштаб, так и характер конфликта в Алжире привели к тому, что более срочными оказались задачи оказания гуманитарной помощи, ведения медиационной и служащей защите основных прав человека деятельности, чем слежение за функционированием демократических институтов. С другой стороны, однако, как справедливо отмечает Янгс, в соответствии с декларациями ЕС именно демократизация представляет собой базовое условие для надежного мирного урегулирования. Ситуация в Алжире вскрыла недостатки во внешней политике Европейского Союза в отношении всего региона Северной Африки: декларации, не находящие отражения в фактической деятельности, слабость заинтересованности, неэффективные инструменты поддержки экономического и социального развития. Как подытоживает автор, *"... the EU's success in meeting this challenge could not be judged in anything but critical terms"*.

Иначе, чем в случае государств бассейна Средиземного моря, обстоит дело с регионом Восточной Азии. Это территория большого экономического значения, на которой перекрещи-

ваются интересы Европейского Союза, Соединенных Штатов и азиатских государств. Янгс отмечает, что однозначно трудно оценить, использовал ли ЕС благоприятные обстоятельства (стремление азиатских стран ограничить свою зависимость от США или склонность самих Соединенных Штатов к ограничению своего участия в удержании стабилизации в регионе) для подчеркивания своего участия в международной политике. С одной стороны, ЕС стремился к тому, чтобы быть воспринимаемым как субъект, делающий решительный упор на необходимость демократизации и соблюдения прав человека, с другой – государства-члены не сумели выработать единого подхода в этом вопросе. В некоторых государствах-членах ослабление дискурса о политической либерализации представляло собой шанс для увеличения участия в восточных рынках (за счет США). Кроме того, упор на демократизацию ослабевал по мере возрастающего значения Китая. Усиление евроазиатского сотрудничества, имеющее стратегическое значение для Европейского Союза, предполагало также укрепление единства между государствами Азии. Это последнее обстоятельство, в свою очередь, представляло собой серьезнейшее затруднение в деятельности по поддержке развития демократии, проводимой в рамках двустороннего сотрудничества ЕС с отдельными азиатскими государствами.

Выработка единой стратегии деятельности Европейского Союза по отношению к Китаю приобрела особое значение в 90-е гг. Объяснение данному факту Янгс ищет в двух обстоятельствах: растущем экономическом значении Китая и его великодержавной позиции в международной системе после окончания холодной войны. Согласование экономических интересов, стратегических целей и политики пропаганды демократии представляло собой своего рода экзамен для европейских способностей и возможностей фактической деятельности в мировом масштабе. Автор подчеркивает, как неубедительно было бы утверждение о том, что европейско-китайское сближение, наступившее в 90-е гг., отражало заметное отсутствие мотивации со стороны государств-членов ЕС к деятельности по развитию демократии. С другой стороны, можно привести конкретные примеры значительной неуверенности и колебаний в отношении примата поддержки политических изменений в Китае над расчетами, касающимися международной безопасности.

Подводя итог рассмотрению заинтересованности Европейского Союза Китаем, Янгс перечисляет следующие недостатки в проводимой политике: первенство, отводимое торговым

соглашениям, финансово ограниченные программы помощи, крошечный диалог на тему демократии. Единственным заметным проявлением эффективной деятельности Евросоюза была поддержка развития *good governance*, хотя и здесь автор предупреждает, что относительным успехом ЕС обязан самому Китаю и его стараниям по вступлению во Всемирную торговую организацию.

Обобщая стратегию Европейского Союза в отношении третьих государств из рассматриваемых регионов, автор обращает внимание на следующие черты, характеризующие позицию Евросоюза:

- деятельность по поддержке развития демократии имеет положительный характер, санкции применяются редко и несистематически; руководители европейских государств признают, что система поощрений значительно более эффективна и более правомерна, чем угроза применения санкций;
- росту эффективности международного диалога способствует его институционализация; добровольное вступление в создаваемые структуры сотрудничества выполняет «воспитательную» роль в отношении политических элит, осваивая их с демократическими нормами;
- на практике секторное сотрудничество часто заменяет собой формализованный диалог, ведущийся на основе демократического дискурса;
- углубленное экономическое сотрудничество вызовет эффект *spill over*, охватывающий сферу политической жизни.

Евросоюзная политика поддержки демократии принимает разнообразный характер: стратегический, идеалистический, экономический, отдающий предпочтение торговым отношениям, или характер поддержки развития. При этом следует отметить, что дифференцированные действия, реализуемые в рамках данной политики, невзирая на получаемый характер, не являются ни совершенно противопоставленными друг другу, ни однозначно взаимоподдерживающими.

В конце концов дискуссия на тему демократизации заставляет задуматься над этикой международной политики и конфликта между экономическими интересами и признаваемыми ценностями, а также значением этих ценностей в мире.

Агата Колаковска

Michael Herman, *Intelligence Services in the Information Age. Theory and Practice*. Frank Cass; London – Portland: 2001, p. 252.

«Большинство премьер-министров любит эту сторону своей работы – несравненно более увлекательную, чем занятия финансами единиц самоуправления» (С. 10). И действительно, все, что связано с разведывательной службой, овеяно смутным туманом тайны, являясь не только для правящих элит, но и для каждого гражданина захватывающим объектом интереса. Майкл Херман, некогда практик с тридцатилетним опытом, ныне преподаватель в Колледже Св. Антония в Оксфорде, чуждается в своей книге дешевой сенсации. Однако железная логика выводов и огромные знания, соединенные с красноречием академика, превращают научное произведение в книгу столь же увлекательную, как романы Джона Ле Каре.

Книга Хермана состоит из четырнадцати эссе, созданных на протяжении 1996–2001 гг. Автор разделил их на четыре тематические группы. Первая из них, пожалуй, самая интересная, является одновременно наиболее теоретической. Мы находим в ней размышления о сущности разведывательной службы, ее связях с дипломатией и, наконец, о последствиях Революции в области военного дела (*Revolution in Military Affairs - RMA*) для этой сферы деятельности государства. Размышления имеют общий характер, и, хотя очевидным образом они связаны с британской традицией, а шире – англоязычной, их можно отнести к разведывательной службе в любой стране. Вторая же часть, наоборот, содержит скорее анализ случаев. Два эссе посвящены Великобритании – перспективам британской разведки в новом тысячелетии, а также анализу функционирования *Joint Intelligence Committee*; следующие представляют собой сравнительное сопоставление британской и американской систем, а также обзор достижений на примере двух союзников: Норвегии и Новой Зеландии. Третья часть – это уроки истории, причем два из них (№ 9 и № 12) касаются довольно широких вопросов (говоря наиболее общо – роли разведки во время холодной войны), а в двух (№ 10 и № 11) рассматриваются вопросы частного характера. Эссе № 10, решительно наиболее личное, содержит воспоминания Автора относительно самого раннего периода его работы в *gabinet Office*, когда он, юноша из провинции, «явился, словно современный Дик Уиттингтон, чтобы открыть тайны Лондона, и был счастлив, получая гораздо больше» (С. 164). Наконец, эссе № 11 – это рассуждения на тему причин и следствий

запрета деятельности профсоюзов в одной из секций британской разведки в 1984–1997 гг. Четвертая тематическая группа, содержащая лишь два эссе, представляется наиболее спорной, особенно в отношении раздумий над этикой разведывательной службы (эссе № 13). Последнее, четырнадцатое эссе, написанное сразу после терактов 11 сентября 2001 г., одновременно является послесловием.

Даже на основании этого краткого обзора проблематики отдельных эссе можно прийти к выводу об их неравномерном научном весе и разной практической пригодности. Эта разнородность несомненно является достоинством книги, если говорить о привлечении внимания читателей, можно, однако, задаться вопросом, в какой мере раздумья Майкла Хермана в целом соответствуют заглавию книги. Как нам представляется, части вторая и третья, хотя и ценны в чисто познавательном отношении, имеют лишь небольшое значение для тех, кто занят в разведке и несет ответственность за эту работу в эпоху информатической революции. С другой стороны, не все испытания с «древних» времен холодной войны уже перестали быть актуальными – *„If the cap stall fils, wear it“* (С. 191). Зато универсальность и потенциальная пригодность для практиков является несомненно достоянием первой и четвертой частей. Следует прежде всего ближе присмотреться к трем затронутым здесь вопросам: сущности работы разведки, этике разведывательных действий и международному сотрудничеству в этой области.

Что касается первого вопроса, то на первый взгляд он лишен сложности. Задачей разведслужбы является получение сведений и использование их. Иногда эти сведения являются общедоступными, иногда их приходится доставать с трудом, в ходе тайной деятельности. Как правило, они касаются важнейших вопросов для безопасности государства, отсюда и отмеченный выше туман таинственности вокруг работы разведывательных служб, а также их исключительная роль в сравнении с другими источниками сведений, какими располагает правительство. Все дело не сводится лишь к получению информации, ее еще нужно обработать таким образом, чтобы она стала полезной и имела прогностический характер. В тоталитарных государствах разведка была одновременно частью репрессивного аппарата. В демократическом государстве ее задачей является содействие «улучшению качества решений, принимаемых правительством» (С. 14). Разведка не является актером политических

действий, однако полностью она от политики не изолирована. В большой мере от правительства зависит, как оно использует плоды разведывательной службы. Существует ли способ, благодаря которому эти плоды могут быть самой высокой пробы? По мнению Хермана, важнейшей является здесь сообразительность (*cleverness*) и объективизм (*objectivity*) в работе разведки. Первая черта отличает работу разведки от действий организаций, предлагающих правительствам свои данные. Именно грамотный способ обработки информации, делающий упор не только на ресурсы отдельных субъектов (например, размер ресурсов разного вида вооружения), но прежде всего на их намерения, является отличительной чертой хорошей разведки и причиной, по которой, несмотря на *RMA*, человеческий фактор всегда будет играть роль ключевого. Объективизм нелегко достигается – каждый человек в некоторой мере привязан к определенным идеям и способу постижения мира; важно, однако, не стараться во что бы то ни стало подгонять события к собственным умопостроениям; особенно важно не делать этого, работая в разведке.

В одном из номеров *The Times* за 1999 г. встречается такое суждение: «холодная война – не холодная война, государства все равно постоянно шпионят друг за другом». (С. 201). Каждая страна оправдывает это интересами государственной безопасности, но все же следует задать вопрос об этичности подобных действий. Автор представляемой книги полагает, что ответить на этот вопрос можно лишь тогда, когда будут учтены как методы разведывательной работы, так и «политические обстоятельства, диапазон действий и их окончательный результат, а также цели и причины, повлиявшие на тот или иной выбор» (С. 211). В повседневной жизни чтение частной переписки признается неэтичным, тем более склонение кого-либо к нелояльности или применение насилия для получения сведений. Иногда, однако, достигнутые таким путем сведения способствуют уменьшению риска вооруженной конфронтации или защите общества от последствий неожиданного нападения. Где проходит граница? Херман однозначно на этот вопрос не отвечает, но дает указания, благодаря которым работа в разведке может быть настолько этичной, насколько это возможно. Во-первых, следует стремиться к как можно большему объективизму и как можно меньшей политизации разведки. Во-вторых, «одолжить» критерии сдержанности, необходимости и пропорциональных действий у доктрины

справедливой войны. По мнению Автора, если «роль вооруженных сил является предметом бурной дискуссии, то роль и результаты разведывательных действий достойны соразмерного внимания» (С. 221). В-третьих, необходимо международное сотрудничество в большем, чем сегодня, масштабе.

Сотрудничество между государствами в области разведки имеет, по мнению британского эксперта, преимущества двоякого рода. С одной стороны, оно может положительным образом влиять на этику работы этой организации, увеличивая доверие между государствами и ограничивая нежелательные действия (*intrusive intelligence*) по тому же принципу, по которому устанавливается лимитное количество вооружения, которым располагают сотрудничающие государства. Во втором, более положительном измерении, позволит лучше противостоять современным угрозам безопасности. Это имеет огромное значение особенно в борьбе с международным терроризмом. Итак, в особенности после 11 сентября 2001 г., «существует больше поводов, чем когда бы то ни было раньше, чтобы смотреть на разведывательную службу, по крайней мере в некоторых ее аспектах, как на международное благо» (С. 231). Однако чтобы этого достигнуть, нужно разведку «демонстрировать». Если в отдельных странах разведывательную службу будут рассматривать меньше в категориях таинственности, а больше в категориях пригодности и если к ее работникам будут относиться так же, как к другим государственным экспертам, сотрудничать будет гораздо легче. Разведка как целое станет тогда менее захватывающим явлением, но зато более пригодным для международной общественности. Стоит здесь, наверное, принять во внимание мнение человека, который на протяжении свыше трех десятилетий работал в организации, благодаря которой «правительство Ее Величества имеет разведку, почти ничем не уступающую спецслужбе супердержавы» (С. 104).

Эдита Посель-Ченсцик

Albert Weeks, *Stalin's other war, Soviet Grand Strategy, 1939–1941*, Lanham, Boulder, New York, Oxford 2002, p. 203.

Книга Альберта Уикса попала мне в руки, когда моя собственная монография о германо-советских отношениях в 1939-1941 гг. готовилась к печати¹. Таким образом, я не мог ее уже учесть в своих размышлениях. Более ранних публикаций этого автора я не знал, вероятно, потому, что он не поднимал в своих работах проблем, касающихся истории дипломатии в период, который как раз интересовал меня. Уикс, по образованию историк, родившийся в 1926 г., прежде занимался анализом внешней политики Советского Союза, вначале как журналист (*Chicago City News Bureau, Newsweek Magazine*) и переводчик (в частности, он был членом группы, переведившей коллекцию советских документов, известную под условными названиями «Смоленская коллекция» или «Смоленский архив»), затем как аналитик и эксперт по советским вопросам (Государственный департамент США, Радио «Свободная Европа», *The National Strategy Information Center, Inc.*), наконец, как профессор и преподаватель (*West Point Military Academy, University of Chicago, Columbia University, New York University*). Об интересах Уикса говорят заглавия нескольких его прежних книг (в целом он является автором уже 9 книжных публикаций): *Other Side of Coexistence An Analysis of Russian Foreign Policy*, New York 1970; *The Troubled Détente*, New York 1976; в соавторстве с Альбертом Лореном: *The Soviet Nomenklatura: a Comprehensive Roster of Soviet Civilian and Military Officials*, Washington, D.C. 1991 (издание третье, дополненное). *Russia's Live Saver. Land-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II*, Lanham 2004. Таким образом, тематика рассматриваемой здесь книги была для автора нова, но его серьезным достоинством было знание русского языка.

Когда распался Советский Союз, оставив после себя неоценимый для историков клад – бесчисленные архивы, в большинстве своем ранее исследователям не доступные, наступило прекрасное время для историографии, в особенности российской. Российские историки, освобожденные от пропагандистских директив, указывающих единственно верные интерпретации прошлого, приступили к архивным исследованиям и, опираясь на их результаты, верифицировали тезисы,

¹ S. Dębski, *Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939-1941*, Warszawa 2003.

распространяемые советской пропагандой и историографией в период «репрессирования науки»². В девяностые годы XX в. история Советского Союза как бы возникала вновь. Процесс открытия истории уже несуществующего государства, которое для многих граждан новой России было единственной родиной, которую они знали, по очевидным причинам вызывал неоднозначную реакцию. Одной из тем, которая стала предметом наиболее эмоциональных и взрывоопасных дискуссий, была проблема германо-советских отношений в 1939-1941 гг. и характера подготовки, проводимой в Советском Союзе, в его вооруженных силах и пропагандистском аппарате большевистской партии, до 22 июня 1941 г. Спору, названному российским историком Владимиром Невежиным «незапланированной дискуссией»³, было положено начало публикацией книг Виктора Суворова, в которых автор доказывал, что Красная Армия никогда не готовилась к оборонным действиям, ее предназначением было нападение, а Сталин в 1941 г. готовился к упреждающему удару по Третьему рейху. Поскольку в это время советские архивы стали доступны исследователям в беспрецедентной степени, они приступили к проверке тезисов Суворова, опираясь на новые документы. К удивлению сторонников прежней, укорененной советской пропагандой, версии истории Советского Союза в 1939-1941 гг., историки нашли в архивах сотни ранее не известных документов, среди которых были дипломатические акты, планы операций Красной Армии, сценарии штабных игр, пропагандистские директивы и т. д. Разгорелись интерпретационные споры. Сформировалось два лагеря: первый объединил историков, убежденных, что подготовка Советского Союза к войне с Германией, несмотря ни на что, имела оборонный характер, во всяком случае начало наступательных действий Красной Армии не планировалось на 1941 г., а в другом оказались историки, указывавшие, что в свете извлеченных на всеобщее обозрение архивных материалов Советский Союз готовился к нападению в 1941 г., а намерением советского руководства было опережение немецкой агрессии.

² Термин употреблен Юрием Афанасьевым в статье «Историческая наука в советский период: Обретение советского лица», являющейся введением к книге: Афанасьев Ю. Н. (ред.). *Советская историография*. – Серия «XX век». – Москва, 1996.

³ W.A. Niewieżyń, *Zamierzenia strategiczne Stalina przed 22 czerwca 1941 r. – „niezaplanowana dyskusja” rosyjskich historyków* // Dzieje Najnowsze, 1998, nr 1.

Открытия и новые интерпретации, предлагаемые российскими историками в девяностые годы в ходе «незапланированной дискуссии», хотя и должны были уже давно привести к пересмотру укоренившихся в мировой историографии взглядов на причины начала и ход первой фазы II мировой войны, до сих пор в очень малой степени известны историкам за пределами России. Это явление обусловлено тем фактом, что немногие историки II мировой войны овладели русским языком в степени, позволяющей следить за новинками научной литературы, появляющимися на этом языке. Конечно, некоторые участники «незапланированной дискуссии» представляли отдельные из своих тезисов на английском или немецком языках, но так уж сложилось, что эту возможность чаще получали сторонники традиционной интерпретации, а это были авторы, принимавшие активное участие в распространении на Западе ложных постулатов советской историографии⁴. Сторонники новой интерпретации имели гораздо меньшие возможности представить результаты своих исследований за пределами России, но, если уж получали возможность, их статьи часто проходили незамеченными⁵.

Поэтому книга Альберта Уикса *Stalin's other war, Soviet Grand Strategy, 1939 - 1941* будет иметь свое значение. Автор не проводил собственных архивных исследований, его целью скорее было сообщение англоязычному читателю о ходе и важнейших, по его мнению, результатах «незапланированной дискуссии» российских историков. Стоит, следовательно, обратить внимание на выбор, сделанный им, и то, каким образом он описал данную дискуссию. Книга делится на восемь глав, которым предшествует введение, она дополнена четырьмя приложениями, библиографией, указателем и заметкой об авторе. Во введении автор обрисовывает основные различия между участниками «незапланированной дискуссии» (Уикс не оперирует этим термином). Историков, которые являются сторонниками традиционной интерпретации, называемой автором «оборонной», характеризует, по мнению Уикса, убежде-

⁴ См.: G.R. Ueberschär, L. Besymenski, *Die deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese*, Darmstadt 1998.

⁵ Напр.: W. Danilow, *Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?* // Österreichische Militärische Zeitschrift, Nr 31, 1993, S. 3-41; V. A. Nevezhin, *Stalin's 5 May 1941 Addresses: The Experience of Interpretation* // The Journal of Slavic Military Studies, vol. 11, No. 1 (March 1998), pp. 116-146.

ние, что в период с 1939 г. до нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. «Сталин и Генеральный штаб не руководствовались никакой скрытой агрессивной или “упреждающей” большой стратегией ни в отношении Германии, ни в отношении иного предполагаемого капиталистического противника. В годы, предшествующие июню 1941 г., Сталин намеревался удержать СССР как можно дольше в стороне от новой мировой войны, считавшейся марксизмом-ленинизмом неизбежной». Внешняя политика Советского Союза в данный период, захват восточной Польши, инкорпорация балтийских стран, части Финляндии, Бессарабии и Северной Буковины были продиктованы стремлением к укреплению безопасности СССР посредством создания «буферной зоны», отделявшей советское государство от Третьего рейха (С. 2).

В оппозиции к «оборонной школе» после 1991 г. сформировалась «школа наступления», основывающая свои утверждения на извлеченных из советских архивов ранее не известных документах. Ее сторонники соглашались в том, что «Сталин все время тайно разрабатывал свой план захватнической войны – прежде всего против Германии, но в итоге против всех “капиталистических империалистов” Европы. Эта вторая, тайная (или «другая») война должна была быть развязана после того, как капиталистические государства уничтожат друг друга в “великой войне”, как Сталин ее называл» (С. 4).

Характеристика взглядов сторонников традиционной интерпретации является более легкой задачей, потому что их взгляды были производной от «единственно верной» версии истории Советского Союза, соответствующей интересам большевистской партии. По этой же причине «оборонная школа» внутренне слабо дифференцирована. Иначе обстоит дело с группой историков, относимых Уиксом к «школе наступления». Правда, по сути данные исследователи в принципе согласны, например, с тем, что Сталин 5 мая 1941 г. во время торжеств в Кремле по случаю окончания учебного года в московских военных академиях в своих выступлениях и тостах, произносившихся на приеме, говорил о наступательных задачах, стоящих перед Красной Армией, что в этом же духе были сформулированы директивы для пропагандистского аппарата РККА, что оперативная подготовка, штабные игры, разыгрываемые в Генеральном штабе РККА в январе 1941 г., наконец, концентрация советских вооруженных сил весной 1941 г. имели явно наступательный характер. Несмотря на это,

выводы, к которым эти историки приходят, довольно различны. В характеристику «школы нападения», предложенную Уиксом, в наибольшем объеме вписываются выводы, к которым приходят Михаил Мельтюхов⁶ или Валерий Данилов⁷, в несколько меньшей степени это может касаться взглядов Павла Бобылева, но Владимир Невежин уже гораздо более осторожно подходит к тому, что намерением Сталина летом 1941 г. на самом деле было опережение немецкой агрессии. Невежин указывает, что лозунги советской пропаганды в 1939-1941 гг., риторика выступлений Сталина и директивных документов для пропагандистского аппарата доказывают, что Советский Союз в интересующий нас и Уикса период находился под сильным влиянием идеи наступательной войны, но из этого факта отнюдь не следует вывод о том, что Сталин намеревался нанести удар по Третьему рейху в 1941 г. Невежин, специализируясь на исследованиях советской пропаганды, удерживает перо от того, чтобы поставить точку над «i»⁸. Однако другие авторы, в том числе пишущий эти строки, пользуясь его доказательствами, приходят к следующим гораздо далее выводам.

Уикс справедливо подчеркивает, что «школа нападения» представлена гораздо меньшей группой исследователей, чем та, в которую входят историки, имеющие склонность к традиционной «оборонной» интерпретации. Однако для Уикса более важны взгляды меньшинства, так как именно оно представляет все новые и новые доказательства, свидетельствующие о наступательном настрое Сталина и Красной Армии. Именно это меньшинство предлагает ряд новых, по его мнению, интересных, хорошо обоснованных интерпретаций. Таким образом, сторонников традиционной интерпретации можно называть «оборонной школой» не только потому, что они защищают старые советские пропагандистские тезисы, но и потому, что они гораздо менее активны в открытии новых, ранее не известных историографии документов, которые обосновали бы их позицию. Также по этому поводу эта школа явно занимает «оборону».

⁶ Мельтюхов М. И. *Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения)*. – Москва, 2000.

⁷ Данилов В. Д. *Сталинская стратегия начала войны, планы и реальность // Отечественная история*. – 1995. – № 3.

⁸ W. Niewieżyń, *Tajne plany Stalina. Propaganda sowiecka w przededniu wojny z Trzecią Rzeszą 1939-1941*, Kraków 2000.

Иногда складывается впечатление, что Уикс оставляет позицию автора, рассказывающего о ходе научного спора, и вступает в «школу нападения», чтобы поддержать ее в полемике с оппонентами. Особенно непримиримо относится Уикс к израильскому историку Габриелю Городецкому, одному из немногих исследователей, представляющих «западную историографию», которые активно участвовали в «незапланированной дискуссии» российских историков⁹. Я лично тоже не считаю, что книги Городецкого особенно достойны внимания, думаю, что он сильно склонен к слишком свободной интерпретации фактов, в его работах можно найти много ошибок, тем не менее нападки Уикса на Городецкого несколько меня поражают, особенно тогда, когда такое нежное орудие, как перо, превращается в руке автора данной публикации в нечто гораздо более топорное (см. С. 104 и след.). В то же время Уикс с большим уважением относится к взглядам Эдварда Радзинского, автора очень слабой, но изданной на нескольких языках, в том числе по-английски, биографии Сталина¹⁰. Уикс, впрочем, относит Радзинского к сторонникам «школы нападения» (С. 107 и 125), что, по моему убеждению, неуместно, так как у данного автора, кроме реализации положений историков, являющихся сторонниками этой интерпретационной школы, невозможно обнаружить никаких особенных заслуг. Кроме того, вопреки сведениям, приводимым Уиксом, Радзинский является историком лишь по образованию, известен же он был в России много лет как драматург и театральный режиссер.

В своей книге Уикс концентрируется лишь на нескольких мотивах интересующей его дискуссии историков. Он обращает внимание на аргументы, указывающие на долгую традицию российско-германского и советско-германского сотрудничества, а также доказывающие, что советская сторона даже после прихода Гитлера к власти была непрерывно заинтересована в возобновлении сотрудничества с Германией (С. 45–70).

⁹ Здесь следует вспомнить о двух существенных публикациях этого автора: *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia*, New Haven 1999, и *Миф «Ледокола». Накануне войны*. – Москва, 1995. Городецкий является также автором изданной значительно ранее биографии Стэффорда Гриппса, с 1940 по 1942 гг. посла Великобритании в Москве: *Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940-1942*, Cambridge 1984.

¹⁰ См. мою рецензию на эту книгу: *Nowa biografja Stalina*, Edward Radzinski, *Stalin // Arcana*, 2/1997, s. 171-175.

Он подчеркивает роль советской идеологии, по природе своей агрессивной, идеологии нападения, являющейся важной мотивацией во внешней политике Советского Союза (в особенности С. 12-24). Мне кажется даже, что автор склонен придавать чрезмерное значение идеологической «запрограммированности» Сталина¹¹. Однако Сталин не был выдающимся идеологом. Он не имел, как писал Лешек Колаковски, «интеллигентских склонностей, которых не выносил Ленин»¹², и можно скорее сказать, что у него были комплексы по этому поводу, по крайней мере до того времени, когда уже никто не мог подвергнуть сомнению уровень его компетенции в идеологических диспутах.

Уикс, кроме того, описывает дискуссии вокруг некоторых элементов, связанных с советским оперативным планированием в 1940-1941 гг., в частности, игр на картах, разыгрываемых в Генеральном штабе РККА со 2 по 11 января 1941 г. (неизвестно почему автор в нескольких местах сообщает, что это событие произошло «зимой 1940/1941 гг.»), а также оперативного плана Красной Армии от 15 мая 1941 г. Он посвящает внимание уже упомянутому выше выступлению Сталина 5 мая 1941 г., кроме того, приводит убедительные аргументы, опровергающие миф о нервном срыве Сталина в июне 1941 г., в первые дни после нападения Германии на Советский Союз. Освоение англоязычного читателя с данной проблематикой следует считать большим плюсом автора. Тем не менее минусов в книге Уикса мы также находим, к сожалению, много.

Во-первых, для такой книги, рассуждающей, как бы то ни было, об историографии, слишком много претензий можно иметь к использованной литературе. Например, автор не знает работ Бориса Соколова, очень активного участника «незапла-

¹¹ Следует здесь напомнить наблюдение Бертрама Вольфе, подчеркивающее относительность значения идеологии в советской внешней политике: *Lenin was as proud of knowing „when to retreat” and „how to retreat in good order” as he was of knowing when to advance and push to the limit. For him, offensive and defensive, retreat and advance, probing and holding actions, open frontal attacks and simulated withdrawals and outflanking maneuvers were all precious elements of a strategy of protracted conflict which was to last until final victory. (...) Lenin and his successors are always at pains to show that their “creative extensions” do not constitute a “revision.* B. Wolfe, *Communist Ideology and Soviet Foreign Policy* // *Foreign Affairs*, October 1962, vol. 41, No. 1, p. 159.

¹² L. Kołakowski, *Główne nurty marksizmu. Powstanie – Rozwój – Rozkład*, Londyn 1984, s. 804.

нированной дискуссии» российских историков, провозглашающего, правда, крайние взгляды (к примеру, гипотезу о том, что Сталин намеревался напасть на Третий рейх уже в 1940 г.), но тем более стоящие привлечения в такой публикации, как та, о которой идет речь. Много положительного, на мой взгляд, наиболее обоснованно, Уикс говорит о Павле Бобылеве, российском историке военного дела, жаль только, что на протяжении всей книги он ссылается лишь на одну статью данного исследователя¹³. Совершенно необъяснимо отсутствие ссылок на другие прекрасные тексты этого автора, в особенности касающиеся описываемых Уиксом штабных игр в январе 1941 г.¹⁴ Возможно, именно поэтому фрагмент книги Уикса, посвященный данному вопросу, полон неточностей (С. 156–159).

Поражает незнание немецкой историографии, отсюда, вероятно, ошибочное утверждение автора, что Гитлер якобы требовал, чтобы главный удар немецкого наступления на Советский Союз был направлен на север от припятских болот, в то время как было совершенно наоборот: Гитлер требовал концентрации сил на южном театре военных действий (С. 97). Раздражают и другие незначительные, но труднообъяснимые ошибки. Отдельным примером могут служить страницы 70-71, на которых мы находим целых три таких случая. На 70 странице Уикс сообщает, что Георгий Астахов был «еврейским советским послом в Берлине». Если уж не обращать внимания на проблему терминологии, использовавшейся в советской дипломатии, в которой с 1917 г. по 1941 г. не употреблялось слово «посол», а соответствующая должность именовалась «полпред» (полномочный представитель), то все равно следует заметить, что Астахов, конечно, был не «советским послом», а лишь *chargé d'affaires*. «Послом» был Алексей Мерекалов, но в конце апреля 1939 г. его вызвали в Москву, откуда он в Берлин уже не вернулся. На следующей странице мы находим информацию о том, что Пакт Молотова-Риббентропа якобы лишил иллюзий сэра Стэффорда Гриппса, «просоветского» британского посла в Москве. Трудно сказать, лишило ли это

¹³ Бобылев П. Н. *Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940-1941 гг.* // Отечественная история. – 2000. – № 1.

¹⁴ Бобылев П. Н. *Репетиция катастрофы* // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 7, а в особенности его же: *К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?* // Отечественная история. – 1995. – № 5.

событие иллюзий британского посла, но известно, что в то время им был Уильям Сидс. Сэр Гриппс действительно также был послом в Москве, но стал им лишь в июне 1940 г. На этой же странице Уикс сообщает, что Сталин не имел никаких исторических оснований для включения в состав Советского Союза Бессарабии. Вероятно, мы имеем здесь дело с ошибкой, до 1918 г. Бессарабия была частью Российской империи. Румыния, пользуясь тем, что в России идет гражданская война, заняла эту провинцию, но советская сторона никогда данного факта не признавала. Автор имел в виду, наверное, Буковину, на которую Советский Союз действительно претендовал, а северную ее часть даже занял, но лишь в 1940 г. В августе 1939 г. на германо-советских переговорах о Буковине речь не шла.

В итоге следует сказать, что книга Уикса отнюдь не является выдающейся публикацией, но на фоне всей англосаксонской историографии, до сих пор почти совершенно игнорировавшей достижения российских историков последнего десятилетия, она выделяется и заслуживает положительной оценки. Возможно, она станет прецедентом для появления работ более подробных и глубоких.

Славомир Дембски

Janusz Dobieszewski, *Włodzimierz Sotowjow – Studium osobowości filozoficznej*, „Scholar”, Warszawa 2002, s. 482

Jan Krasicki, *Bóg, człowiek i zło. Studium filozofii Włodzimierza Sotowjowa*, Monografie Fundacji na Rzecz Nauki Polskiej, Wrocław 2003, s. 417

*Добрый смысл жизни заключается только
во внутренних состояниях отдельных существ
и в тех действиях и отношениях, которые
отсюда прямо и непосредственно происходят*

Владимир Соловьев

Можно сказать, что в России академической философии почти не было. На пути к ней стояла цензура, сначала царская, потом советская. Философия воспринималась как опасное вольнодумство (иногда отождествлялась даже с масонством), а в России разрешалось думать согласно требованиям властелина «правды». Поэтому изучение русской философии часто тождественно с изучением русской литературы и литературур-

ной критики, так как философия, не имея возможности проявить себя в университетских лекционных залах, «скрывалась» в художественных произведениях.

В Польше этот факт отмечен давно и поэтому русскую философию по-прежнему изучают как философы (Влодзимеж Рыздзевски, Юзеф Павляк, Цезары Водзински, Марек Стычиньски, Мариан Брода, Михал Бохун, Януш Добешевски, Ян Красицки и другие), так и литературоведы (Ежи Фарыно, Люциан Суханек, Гжегож Пшебинда, Ежи Капустик, Анджей Дудек, пишущий эти строки и многие другие). А все мы, конечно, ученики Анджея Валицкого, который – правда, не по собственному выбору – начинал свою блистательную научную карьеру русистом-литературоведом. Теперь, по словам Валицкого, в одном лишь Кракове больше серьезных «россиеведов», чем во всех Соединенных Штатах Америки.

А вот Владимир Соловьев, хотя и был прекрасным поэтом и литературным критиком, «отцом» русского символизма, нарушил неакадемичность русской мысли и вне традиции создал в России первую философскую систему наподобие немецкого идеализма. Таким образом, для многих стал он также «отцом» русской философии или по крайней мере ее духовной части.

Существуют утопии «разумно-человеческие», как хотя бы идея «единой Европы», которую и мы, поляки, стараемся осуществить, и утопии «разумно-нечеловеческие», как, например, «Красная звезда» Александра Богданова, о которой теперь немногие уже помнят, или утопия коммунизма, следы которой всё бытуют в нашей действительности. Владимир Соловьев создал утопию «разумно-человеческую», значит, такую, которая несет в себе надежду на осуществление Добра и побуждает мыслителей действовать в этом направлении. Вот, например, для Иоанна Павла II Владимир Соловьев «свидетель веры», «который пророчески предостерегал от драмы христианского раскола и призывал к единению».

Для каждого экуменически настроенного мыслителя и исследователя Соловьев продолжает оставаться большим авторитетом. Поэтому не уменьшается интерес к его творчеству в Польше. Свидетельствуют об этом работы Гжегожа Пшебинды, Лилианны Кейзик, Хенрика Папроцкого, Влодзимежа Рыздзевского, Яна Красицкого и Януша Добешевского. Много внимания посвятил Соловьеву Анджей Валицкий в своей последней книге *Россия, католицизм и польский вопрос (Rosja, katolicyzm i sprawa polska, „Prószyński i S-ka”, Warszawa 2002).*

Автор *Русской идеи* со своей критикой национализма и русской экспансионной политики всё привлекает внимание поляков.

Экуменизм Соловьева, к сожалению, ставит неоднократно исследователей на «партийные позиции». В России изучают его творчество как либералы, для которых символизирует оно открытость России к другим культурам, так и «почвенники», для которых Соловьев, в первую очередь, теоретик идеи «всеединства» – основного составного элемента «соборности» русской культуры. «Соборность» красиво заменила здесь традиционный русский «коллективизм», по-старому отбрасывая свободное достойное Я в мир «западного эгоизма». Эту «партийность», конечно, мы можем неоднократно отметить и у польских исследователей, увлеченных собственными идеями и верой.

На этом фоне книга (докторская диссертация) Януша Добешевского *Владимир Соловьев – монография философской личности* (Варшава 2002) выделяется принципиальным исследовательским объективизмом и нет в ней следа упомянутой «партийности». Добешевски никак не пробует использовать идеи Соловьева для «оправдания» собственного мировоззрения. Он решил показать «философскую личность» автора *Смысла любви*; не реконструировать ее, а конструировать в своего рода «феноменологию духа Владимира Соловьева»; решил перешагнуть существующие до сих пор в литературе о Соловьеве ограничения, заключающиеся в одностороннем подчеркивании устойчивости, статичности его философской точки зрения, что обычно проявляется во внимании лишь к одному из этапов или аспектов развития мысли Соловьева и признании остальных его идей избытком, ошибкой, результатом непоследовательности, чем-то второстепенным или целиком подчиненным центральной идее. Добешевски прав, что такое прочтение идей Соловьева выдвигает на первый план или софиологический, или католический, или православный, или катастрофический, утопический, славянофильский, или же мистический (теософский) аспект его концепции, что всегда заставляет устранять остальные элементы мировоззрения и ведет к обеднению философской личности Соловьева.

И Добешевскому действительно удалось избежать одностороннего подхода и нарисовать полную – «соборную» – философскую личность Соловьева. После представления замысла, объяснения понятий и метода (глава I), он знакомит нас с

«характерологическим обликом жизни и творений» русского мыслителя (глава II) и образно представляет проблему единства и эволюции взглядов Соловьева по этому вопросу (глава III). Идею Богочеловечества, для многих исследователей самую важную, «целевую» конструкцию теократической концепции Соловьева, Добешевски представил в трех хронологических «версиях» (главы IV, VIII и XI), подтверждая ее сущность как основу тождественности философской личности Соловьева. Очередные главы посвящены философии мистицизма (глава V), идее целостности знания и жизни (глава VI), философии всеединства (глава VII), идее Софии – Премудрости Божьей, соединяющей Бога и мир, и основам софиологии (глава IX), и, наконец, основам проекта христианской политики Соловьева (глава X). Книгу завершают календарий жизни и творчества Соловьева и очень обширная библиография.

Диссертация Януша Добешевского является первой в Польше полной, исчерпывающей монографией философской личности Соловьева, описывающей как его жизненный путь, так и всю изменчивость и «всеединство» его взглядов, объясняющей понятия и категории. Она «интегральна» и по форме, и по содержанию. Добешевски не идеализирует своего героя и не стремится находить противоречия в его миропонимании. Просто он пишет полную картину философии Соловьева, воспринимая ее как когерентную, сплоченную систему, которая очень существенно повлияла не только на всю русскую мысль, но также на западную теософию и антропософию и всё еще остается «живой жизнью» для современного христианского экуменизма.

К числу польских соловьеведов и докторов наук очень удачно присоединился также Ян Красицки со своей диссертацией *Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева* (Вроцлав, 2002). Это прекрасная философская книга во имя *Оправдания добра*, «живой [а не схематической, по теории] жизни» и свободного достойного человека, так как Владимир Соловьев выступает в ней однозначно как современный нам мыслитель: «Во времена конца человека, культуры игры, когда все становится постмодернистической игрой, теряя всякую серьезность, русский Сократ защищает доброе имя Добра и человека так же убедительно, как две тысячи лет тому назад делали это Сократ, Платон и Иисус».

Книга состоит из трех частей: *Теософии, Теократии и Эсхатологии*. Каждая из них могла бы стать самостоятельной научной

разработкой, а вместе они складываются в особое *триединство*. В первой части «указан генезис зла на фоне Падения Души мира, а также возвращения *павшей* Вселенной (*Другого* Бога) к потерянному из-за Греха первичному Всеединству». Во второй части Красицки описывает проект Соловьева борьбы со злом «в социальном, политическом и церковном восприятии, как реализованный на земле идеал экумении и теократии, совершившегося здесь и теперь Богочеловечества». Третья часть посвящена эсхатологии и апокалиптике Соловьева, а основой рассуждений являются его *Три разговора*.

Интересно, понимал ли Красицки, что его *триединство* невольно ассоциируется с *Православием, Самодержавием, Народностью* Сергея Уварова и его политических, националистически настроенных наследников? Вряд ли, так как Уваров, конечно, в книге ни разу не упоминается, а Соловьева в национализме упрекнуть никак нельзя. Однако нечего скрывать, что книга Красицкого, в отличие от «безжалостной» диссертации Добешевского, «больна» идеологией. Правда, прекрасной, во имя Добра и человека, но все-таки больна. Это не упрек, а просто констатация факта, что Красицки, как и Соловьев, всё мечтает об осуществлении «разумной [*Богочеловеческой*] утопии».

Анджей де Лазари

Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. Научно-образовательный Форум по международным отношениям, Волгоградский государственный университет, Центр региональных и трансграничных исследований. – Москва, 2002. – 573 С.

Прозрачность границ является понятием, которое сначала вызывает исключительно положительные коннотации, так как ассоциируется с отсутствием препятствий для обмена людьми, развития экономических и культурных контактов между обществами сопредельных государств. Читатель, обратившийся к изданной в Москве книге «Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России» под редакцией Леонида Вардомского и Сергея Голунова, сразу же взглянет на этот

термин также из другой перспективы – угроз для безопасности государства и его экономических и политических интересов.

Изданная в 2002 г. книга представляет собой широкий анализ пограничной проблематики Российской Федерации. В ней показан процесс формирования российских границ, а также большой комплекс новых задач в области безопасности и сотрудничества, последовавших после распада Советского Союза.

Авторами книги являются четырнадцать ученых из разных научных и экспертных центров России (лишь в одном случае Украины). Насчитывающая 573 страницы книга содержит богатую библиографию, словарь употребляемых терминов, приложения, в которых представлены, в частности, список всех новых погранпереходов России (по данным 2000 г.), а также общественно-экономическая характеристика пограничных территорий. Публикация осуществлена в рамках научно-исследовательского проекта, реализуемого в Центре региональных и трансграничных исследований при Волгоградском государственном университете. По неясным соображениям в примечании редакции (С. 2) и во вступлении используется не такое, как на обложке, заглавие книги, а именно: «Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ РФ».

В первой главе авторы определили понятие трансграничной безопасности, а также рассмотрели проблематику сотрудничества между пограничными территориями в теоретическом аспекте. Представили факторы, способствующие или противодействующие развитию этих контактов, с учетом современных теорий международных отношений. В качестве примера авторы обращаются также к североамериканскому опыту в области безопасности и сотрудничества на пограничных территориях. Подобно российским, границы Соединенных Штатов измеряются в тысячах километров, они также – к чему явно стремятся российские власти – заметно дифференцированы в отношении открытости (сильно охраняемая граница с Мексикой, относительно открытая с Канадой).

Вторая глава книги посвящена феномену нового пограничья Российской Федерации. Авторы представляют исторические этапы эволюции территориальных масштабов государства, в пределах которого возникло единое пространство от Балтийского моря по Тихий океан. Много внимания уделено административным границам внутри Российской империи и Советского Союза. Внутренние границы в рамках СССР не имели большого значения на практике, неоднократно на про-

тяжении многих лет они подвергались изменениям сверху, часто без учета этнического состава населения, а также общественно-экономических связей. Границы на данной территории не обозначались, часто даже не отмечались на картах. Строго охранялась только внешняя граница СССР.

Между тем одновременно с дезинтеграцией советской территории прежние административные границы приобрели большое значение: границы союзных республик оказались границами новых независимых государств. Как подсчитали авторы книги, возникло 24 новых пограничных участка общей длиной в 24 тыс. км, из них 11 тыс. составило границы Российской Федерации. В случае всех пятнадцати новых государств границы с бывшими советскими республиками длиннее, чем их границы с прежними соседями. «Новые границы» составляют 100% сухопутных границ Латвии и Эстонии, 55,9% границ России, а также – и это самый короткий участок – 53,5% границ Туркмении.

С возникновением новых границ постсоветские республики встали перед сложной задачей в области безопасности и экономических интересов. Эти государства вынуждены были противодействовать таким явлениям, как нелегальная переброска людей и товаров через неохраямые границы. Однако, в силу больших расходов и перед лицом глубокого экономического кризиса, в России и соседних республиках невозможно было за короткое время построить пограничную инфраструктуру на столь пространной территории. Кроме того, политические и экономические факторы заставили дифференцировать пограничную политику по отношению к отдельным регионам и государствам.

В третьей главе рассматривается специфический характер тех пограничных участков Российской Федерации, которые прежде были границей СССР, т. е. границей с Норвегией, Финляндией, а также Китаем (в книге нет информации о специфике границы России с Монголией и Северной Кореей; о границе между Калининградской областью и Польшей речь идет в главе, посвященной новым границам). В каждой части главы дана географическая характеристика пограничья, а также историческая справка о том, как формировалась линия раздела.

В части, посвященной Норвегии и Финляндии, интересным образом рассмотрен масштаб сотрудничества на государственном и региональном уровне, а также между неправитель-

ьственными структурами. Хотя авторы отмечают значение вступления Финляндии в ЕС, но, увы, здесь недостает точного анализа того, как оно отразилось на российско-финском пограничье. Вкратце упоминается лишь о том, что при финансовой поддержке ЕС осуществляется сотрудничество в рамках программы «Северное измерение».

Часть, посвященная российско-китайскому пограничью, содержит достаточно подробное описание истории пограничных споров. Вопрос экономических контактов также представлен на широком историческом фоне. Авторы обращают внимание на потери России, вызванные контрабандой, а также на присутствующую часто в российских публикациях проблему миграции китайцев на территорию России. Они допускают, что в перспективе нескольких десятков лет экономика российского Дальнего Востока окажется зависимой от Китая.

Четвертая, самая большая глава представляемой книги касается новых границ России и ее нового пограничья. Авторы подсчитали, что 27 из 89 субъектов федерации – это регионы, которые вследствие распада СССР стали пограничными регионами, что несет с собой как шансы, так и угрозы.

Описывая специфику Калининградской области, являющейся по причине своего местоположения наиболее сложным примером пограничного региона, авторы сосредоточиваются на рассмотрении очередных проектов развития анклава. Они дают характеристику Свободной экономической зоне, вместо которой в 1996 г. была введена Специальная экономическая зона, а также внедряемой сегодня в жизнь концепции области как экспериментального региона для сотрудничества между Россией и ЕС. Здесь рассмотрены также предложения российских политиков, касающиеся будущего этого региона, а также представлены даже наиболее нереальные проекты, якобы выдвигаемые в сопредельных государствах: включение Калининградской области в состав Литвы, разделение области на секторы: польский, украинский, белорусский и литовский (С. 219) или, например, превращение ее в кондоминиум Германии, России, Польши, Литвы и Швеции (С. 83).

Приведение в книге такого рода фантастических проектов без критического рассмотрения возможности их реализации свидетельствует об авторах и их политической проницательности не самым лучшим образом. Тем более что и в других главах книги появляются сведения по меньшей мере неточные, свидетельствующие о неумении авторов сохранить дистанцию

по отношению к источникам, которые использовались, и одновременно касающиеся столь болезненных проблем для отдельных государств, как территориальное единство (напр., утверждение, что «осенью 1998 г. Финляндия подняла тему возврата к границам, существовавшим до 1940 г.» – С. 163; выражение сомнения относительно международного правового статуса находящегося с 1923 г. в составе Литвы региона Клайпеды – С. 82).

Намного более ценным является представление проблематики, связанной с транзитом людей и товаров из Калининградской области в собственно Россию через Литву в девяностые годы. Тему транзита содержит также следующая часть этой главы, в которой авторы рассматривают значение балтийских портов Латвии и Эстонии для России, а также приграничное сотрудничество этих государств.

В части книги, посвященной российско-белорусскому пограничью, внимание авторов концентрируется на торговом обмене обоих государств, а также сотрудничестве пограничных регионов. Авторы отмечают подписание в 1995 г. соглашения о таможенном союзе, согласно которому таможенный досмотр на общей границе был упразднен. Однако здесь недостает информации о последовавших спорах относительно принципов импортирования товаров из третьих государств в Россию через Беларусь и решении российских властей в 2000 г. о восстановлении таможенного пункта между обоими государствами. В книге нет общей характеристики российско-белорусского экономического сотрудничества, а также оценки эффективности заключенных на межправительственном уровне соглашений. Безусловно, они лучше послужили бы делу понимания специфики трансграничного сотрудничества, чем имеющиеся в книге подробные описания пресечения попыток контрабанды на протяжении последнего десятилетия.

Значительно интереснее представлена проблематика российско-украинской границы. Много места отведено характеристике межправительственных и принятых на региональном уровне документов, которые являются основой развития трансграничного сотрудничества. Авторы провели также сравнительный анализ пограничных территорий, отмечая их разнородность – развитые в экономическом отношении восточные регионы Украины граничат с сельскохозяйственными регионами юго-восточной России. Внимания заслуживает

также вопрос национального самосознания населения на этой территории. Каждый пятый респондент российского пограничья и каждый четвертый по украинской стороне границы до настоящего времени считает себя в первую очередь «советским человеком», а не представителем своего народа или гражданином своего государства. Кроме того, около десяти процентов жителей пограничья отождествляют себя не с государством или этнической группой, а со своей областью.

Авторы книги, рассматривая экономические контакты между этими двумя государствами, отмечают, что Россия и ее пограничные регионы являются намного более привлекательными для украинцев, чем Украина для россиян. Жаль, что подобный аспект анализа отсутствует в разделе о российско-белорусском пограничье. Сравнение этих двух пограничных территорий было бы интересным.

В представляемой книге не оказалось, к сожалению, анализа разногласий вокруг пограничья между Россией и Украиной; нет даже краткой характеристики ни многолетних споров вокруг сухопутной границы (законченных лишь после подписания соглашения в январе 2000 г.), ни всё еще не разрешенных противоречий в области ее демаркации. Эти проблемы несомненно существенным образом отражаются на развитии трансграничного сотрудничества, а также на атмосфере взаимоотношений между соседствующими государствами в целом.

В части книги, рассматривающей границу с Грузией и Азербайджаном, авторы обращают внимание как на географические, так и на административно-политические барьеры, препятствующие сотрудничеству. Они отмечают связь между региональным сепаратизмом (Чечня, Абхазия, Южная Осетия) и миграционными процессами, ростом преступности и контрабанды. Внимания заслуживает факт, что авторы не сосредоточиваются исключительно на проблематике пограничья, но представляют также более широкий контекст взаимоотношений России с Грузией и Азербайджаном, который ее обуславливает.

В дальнейшей части книги представлена проблема границы на Каспийском море, в том числе спор между государствами, касающийся деления акватории. В последнем разделе рассматривается граница России с Казахстаном. Она насчитывает 6800 км и является второй в мире по длине сухопутной линией раздела между двумя государствами в мире (первое место принадлежит границе США-Канада). Она проходит преиму-

щественно по очень слабо заселенной степной и полустепной территории, что осложняет ее охрану. Демаркация границы в ближайшей перспективе является нереальной из-за больших расходов на эту операцию. Стороны не успели даже завершить делимитационные работы. Между тем, как подчеркивают авторы книги, через российско-казахстанскую границу проходит главный путь нелегальной миграции, а также контрабанды наркотиков из Азии в Европу. Охрану границ осложняет также специфика коммуникационной инфраструктуры. Наиболее удобное – а иногда практически единственное – дорожное сообщение между отдельными регионами Казахстана проходит через Россию и наоборот, например, одна из железнодорожных линий транссибирской магистрали на протяжении более 100 км находится на территории Казахстана.

Представляемая книга является важной публикацией, знакомящей читателя с проблематикой пограничья Российской Федерации. До настоящего времени в литературе на эту тему не было работы, которая описывала бы тематику всего пограничья России. Только такой подход более исчерпывающим образом указывает на глубокую дифференциацию эволюции российских границ в девяностые годы. Совершенно прозрачные внутренние границы СССР в большой мере сохранили свой характер на российско-белорусском участке, как и прежде, они являются достаточно открытыми (де-факто, но уже не де-юре) на пограничье России с Украиной или Казахстаном, а также представляют собой принципиально существенный барьер на кавказском и балтийском участках.

Главным упущением книги является слишком большая концентрация ее авторов на заглавном трансграничном сотрудничестве в ущерб более широкому политическому подходу. Без представления интересов государства на уровне макроанализ локальных явлений воспринимается как неполный и отчасти непонятный. Дело в том, что факт открытости или закрытости границ обусловлен разнообразными политическими факторами – различными в случае Украины и Казахстана, совсем разными по отношению к Грузии или Латвии. В будущем это приведет к дальнейшей дифференциации политики пограничья и в результате этого к растущим диспропорциям в возможностях сотрудничества граничащих между собой регионов отдельных государств.

Дифференцирование уровня открытости границ, а также трансграничного сотрудничества России с ее соседями являет-

ся элементом более широкого процесса. Как подчеркивают авторы рассматриваемой книги, в ближайшие годы следует ожидать систематического расширения функций российских границ – они всё более эффективно должны ограждать от угроз в сфере безопасности, но одновременно должны в как можно большем объеме способствовать максимализации экономической пользы, извлекаемой Россией и ее соседями. Лишь тогда термин «прозрачные границы» приобретет однозначно положительные коннотации.

Адам Эберхардт

Ulrich Schmid, *Russische Religionsphilosophen des 20. Jahrhunderts*, Freiburg 2003, 288 S.

Русская философская мысль XIX века – по сути своей века-«откровения», а по крайней мере ключевого времени для русской культуры – сформировалась и развивалась под огромным влиянием немецкой философии. Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр, менее сегодня известный Э. Гартман, Баадер, затем Маркс или Ницше были едва ли не непосредственными участниками российских интеллектуальных дискуссий – в салонах, печати и в университетах. Гегель возбуждал в России быть может большие эмоции, чем на своей родине, Шеллинг прямо-таки получил имя «русского философа», Маркс и Энгельс вели исполненную политических надежд переписку с мыслителями и народническими деятелями. XX век, в силу политических событий, исторических и моральных катастроф, запутанных жизненных путей и русских, и немецких философов, может не оставил достаточно яркого свидетельства влияний и воздействий, однако стремление русских философов одолеть темы и работы Гуссерля, Шелера, Хайдеггера, Ясперса открывается и обнаруживается всё более выразительно.

В то же время, однако, русская философская мысль европейской культурой воспринимается порой как лишенная интеллектуальной основательности, академической точности, методологической дисциплины; как отчасти неопределенная, хотя и не лишенная размаха эссеистика, как довольно свободные интердисциплинарные поиски; не философские проекты,

а скорее свидетельства мировоззрений, которым – зачастую чуждаватым и экзотическим – можно великодушно давать поблажку на философской «ярмарке тщеславия» («ведь, несмотря на всё, Россия дала нам Толстого, Достоевского...»).

Такой вот европейский образ русской философии – являющийся, впрочем, результатом некоей моды, своеобразной корректности и опрометчивых эмоций, а не каким-нибудь более распространенным мнением выдающихся деятелей и кругов современной европейской философии – чрезвычайно редко можно встретить в среде немецкой культуры. Можно даже сказать, что в особенности качество (но и количество) присутствия русской мысли в новейшей немецкой философии может производить впечатление справедливого и явно возникающего по интеллектуальным причинам ответа современных немецких исследователей на русское обожание в XIX веке философии Гегеля, Шопенгауэра, Ницше. Здесь следует упомянуть хотя бы два немецких издания сочинений Владимира Соловьева: 4-томное 1914-1922 гг. (*Ausgewählte Werke*) и 8-томное 1953-1980 гг. (*Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew*), прекрасные работы о Соловьеве Хельмута Дама (в особенности *Vladimir Solov'ev und Max Scheler*), Райнхарда Лаута, Лудольфа Мюллера (особенно *Solov'ev und der Protestantismus*), Людвиг Венцлера (особенно *Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev*), фундаментальный труд В. Дитриха о Бердяеве (*Provokation der Person. Nikolai Berdjajew In der Impuls seines Denkens*), работу Р. Глезера о Франке (*Die Frage nach Gott in der Philosophie S. L. Franks*) или М. Хагемейстера о Федорове (*Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*).

Однако названная выше немецкая литература, посвященная русской мысли, в равной степени является и выдающейся, и адресованной узкому, даже очень узкому кругу специалистов, что в некоторой степени обусловлено исходным и – так сказать – идейным и интенциональным тезисом представляемой здесь книги, что немецкая «академическая славистика редко осмеливается выйти за узко очерченные границы литературоведения, а в теологических и философских институтах фактически господствует правило неполноценности славистики» (С. 7). С одной стороны, глубина немецких исследований над русской мыслью, с другой же – скорее ограниченное их присутствие в более широком аспекте немецкой культуры повлияли, как представляется, на замысел и значение книги У. Шмида. Таким образом, перед нами публикация, имеющая

популяризаторский характер, но это популяризация на великолепном и при этом оригинальном, полном интеллектуальной энергии уровне очень хорошего вузовского учебника. Это подтверждается в конечном счете профессией и заявлением самого автора (С. 8), который, получив образование в области германской и русской филологии, а также политологии, является профессором Безельского университета.

Книга отлично спланирована, «организована» и написана. Кроме существенного *Введения*, *Заключения* и *Именного указателя* (что чрезвычайно важно), она состоит из 13 глав, каждая из которых посвящена поочередно видным русским мыслителям, представляемым – согласно заглавию книги – в перспективе философии религии: Владимиру Соловьеву, Николаю Федорову, Василию Розанову, Николаю Бердяеву, Льву Шестову, Николаю Лосскому, Семену Франку, Сергею Булгакову, Павлу Флоренскому, Владимиру Эрну, Евгению Трубецкому, Густаву Шпету и Алексею Лосеву. Выбор является удачным и репрезентативным, и ни одно важное для русской мысли имя не забыто, хотя, если уж быть чересчур придирчивым, жаль, что не упомянуты Лев Карсавин, Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов, Сергей Гессен, Федор Степун и Михаил Бахтин (ср. наличие Лосева). Конечно, мы сознаем, что если бы в книге были и эти авторы, то и тогда рецензент, занявшись поисками, нашел бы какое-нибудь очередное упущение, и так до бесконечности. Каждая из тринадцати глав имеет одинаковую трехуровневую структуру: сначала автор представляет *Портрет* мыслителя, затем *Примечания к избранному тексту* и, наконец, существенный фрагмент (в собственном переводе, за исключением текстов Соловьева) из наследия мыслителя, причем все тексты являются (опять-таки за исключением Соловьева) первоизданиями на немецком языке. Подбор текстов вполне удачный, это отрывки из самых выдающихся сочинений русских философов.

Книга Ульриха Шмида озаглавлена *Русские религиозные философы XX века*, но уже при первом взгляде на ее оглавление можно обнаружить некую непоследовательность автора: вся жизнь и творчество Соловьева приходятся на XIX век (умер в 1900 г.), Федорова – едва захватывают XX век (умер в 1903 г.), писательство же Розанова – и в количественном, и качественном отношении сильнее, пожалуй, связано с XIX веком, чем с XX (философ жил в 1856–1919 гг.). Однако этот хронологический выход содержания книги за пределы ее заглавия

представляется вполне понятным и по сути дела очевидным. Так, во-первых, вся русская философия XX в. просто вырастает и как нельзя более непосредственно из поисков и концепции Соловьева. Правда, Соловьев не оставил даже каких-нибудь контуров философской школы и трудно о ком-либо из мыслителей XX в. сказать, что он был «соловьевцем», но в то же время все они – независимо от разных позиций, но в силу глубины, диапазона и размаха их философии – нисколько не сомневались в соловьевских корнях своего мышления; каждый из них был автором значительной работы о Соловьеве; ни о ком из них нельзя сказать – вопреки формуле из предыдущего предложения – что он не был «соловьевцем». Во-вторых, независимо от Соловьева, XIX в. в целом с чрезвычайной силой, не встречаемой в такой степени ни в одной другой культуре, наметил направление и характер русских философских поисков в XX в. Это связано в первую очередь с рождением в XIX в. (под вдохновляющим, впрочем, влиянием классической немецкой философии) русской философии Абсолюта, которая восходила и обращалась к платоническому, неоплатоническому или даже гностическому пониманию Абсолюта, которая одновременно устремлялась к христианской правоте, а также придала русской философии неповторимый и значительный в универсальном измерении интеллектуальный и культурный характер. Русская философия XX в. пыталась – и с успехом – продолжать этот одновременно русский и универсальный способ философствования, что ставит русскую мысль XX века в сильную, живую и плодотворную зависимость от XIX века. Поэтому нельзя по сути дела создавать антологию русской философии XX в. без учета целиком принадлежащего к XIX веку Соловьева или почти полностью относящихся к XIX веку Федорова и Розанова, о чем лишний раз свидетельствует и что подтверждает книга Шмида.

Во *Введении* Шмид обращается к еще более давним временам, к XVIII в., чтобы интересным образом доказать, что первой фигурой славянофильско-западнической оппозиции в русской мысли (которая, по мнению некоторых исследователей, определяет характер и ритм развития всей русской философии) является противоположность просвещенческой научной философии Ломоносова и идеалистической, мистической философии Сковороды, причем из современной перспективы философский перевес (эвристический и инспирирующий) в этом споре на стороне Сковороды. Затем Шмид

показывает, как созревала русская философия религии и Абсолюта в теориях Чаадаева, Хомякова, Киреевского, верно подчеркивая, что названная оппозиция славянофильство – западничество уже во второй половине XIX в. не очень-то годится для определения интеллектуальных явлений и развития русской культуры, что особенно трудно становится отнести того или другого мыслителя к славянофильскому или западническому руслу. И действительно, для описания эпохи особенно после 1860 г. эти категории становятся всё более неадекватными, и уже первая беглая примерка их к периоду конца XIX – начала XX в. вскрывает неточность и трудности в их использовании. Кто такой Бердяев? Славянофил или западник? А Ленин? А Герцен, Бакунин, Ткачев, Леонтьев, Соловьев?

В качестве специфических черт русской философии конца XIX и всего XX в. должны быть отмечены – по мнению Шмида – два явления, которые, как может показаться на первый взгляд, целиком друг другу противоречат, однако оба легко обнаруживаются в своей, правда, сложной, но неустранимой зависимости: это, как представляется, сильная связь русской философии с теологией, с одной стороны, и, с другой, – вовлеченность и вовлечение ее в политическую жизнь (самым ярким проявлением чего является хотя бы продолжающееся на протяжении XIX и XX вв. манипулирование властей присутствием философии в вузовских программах обучения). Любопытно, что после упоминания 1922 года, переломного для развития русской философии XX века, когда по решению государственных властей группа самых выдающихся мыслителей (в их числе: Бердяев, Франк, С. Булгаков, Лосский, Шестов) была удалена из России, автор представляет не краткую историю русской философской эмиграции (большинство героев его книги и есть философы в эмиграции), но краткую историю советского возвращения к философии и к корням русской философии, относящимся к XIX веку, что позже сыграет существенную роль в эпоху ренессанса русской философии и ее исследования уже после распада СССР. Кажется, что целью такой установки было подчеркнуть перманентную временность эмиграционного статуса русской философии (что особенно сильно подчеркивал также Бердяев). В заключительной части *Введения* автор отмечает также новейшие и наиболее громкие тенденции в современной русской философии, которые – как по расчетно-очищающим причинам, так

и, наверное, по причинам, которые можно определить как некую моду или даже манеру – тяготеют к постмодернизму и апокалиптике.

Читатель получит большое удовольствие от чтения *Портретов*, которые помещены перед переводами, а также от введений к переводам. Жизнь, творческий путь, вклад и значение данного мыслителя в русской и мировой философии представлены на нескольких страницах, на которых автор дал не только энциклопедический и одновременно живой образ философа и его философии, но во многих случаях сумел творчески и новаторски уловить некую суть, главный мотив и организующее для данной философской позиции понятие. Может быть, стоит вместе с автором и сквозь его видение присмотреться к главным проектам русской философии религии.

Так, Соловьев – это попытка оригинальной и гетеродоксальной религиозно-философской концепции, часто обвиняемой в пантеизме, более существенным, однако, «недостатком» которой является антропологический мотив, которому подчинены теология и философия Абсолюта. Несмотря на резко критическую оценку мысли Ницше, Соловьев в концепции сверхчеловека усматривал мистифицированный начальный этап, ведущий к выдвигаемой им идее Богочеловечества.

Федоров был автором «философии общего дела», с одной стороны, воодушевленной религией, с другой – выдвигавшей научно-технический путь реализации указанной цели, которая в своей наиболее образной формуле являлась призывом к «воскрешению почивших отцов», а в менее удивительной – проектом замены механизма соперничества между людьми (результатом которого было потребительство и эксплуатационное отношение к природе) всемирным единством человечества и основанной на этом единстве «корректурой природы». Федоров не побоялся обвинить всю европейскую философию в ошибочном – субъективистском, релятивистском, настроенном против мира – направлении развития человечества. Первым проявлением этого ошибочного философского видения должно было быть античное «познай самого себя», затем декартовское «мыслю, следовательно, существую», наконец, ницшеанский эгоизм, имморализм и антихристианизм. Идеи Федорова, вне зависимости от их воодушевления религией, были созвучны достаточно влиятельному до определенного момента прометейскому руслу в русском марксизме.

Розанов выступил с решительной критикой русской церкви, которую он вел с позиции святости материи и религиозной силы пола, отмечая, что скорее иудаизм – а не являющееся религией смерти христианство – более точно отвечает на религиозные запросы человека, горизонтом которых должно быть мирское, а не бессильная и искажающая человеческое существование трансцендентность. Позже Розанов стал даже увлекаться верованиями древнего Египта. Целесообразно отметить в этом месте, что – как верно указывает Ульрих Шмид – важнейшей позитивной и творчески развиваемой западноевропейской отправной точкой для русской религиозной философии конца XIX и начала XX века была мысль Шопенгауэра, а не чаще всего упоминаемые теории Абсолюта Гегеля и Шеллинга.

Николай Бердяев, являющийся если не самым выдающимся, то самым известным и плодовитым русским философом XX в., развивал свою философию вокруг трех основных понятий: человек, свобода, творчество, результатом которых в некоторой мере было божественное и божественный горизонт полной самореализации человека, свободы и творчества. Большую роль в философии Бердяева играла община, т. е. солидарность Бога и человека против небытия, что означало, что небытие – вопреки классическому (в особенности томистическому) видению Абсолюта – продолжает быть метафизически независимым от Бога; в то же время, однако, эта автономия небытия позволила Бердяеву оправдать – как аксиологически, так и онтологически – свободу, субъектность и творческое назначение человека. Такое видение свободы и творчества направляло русского философа, склонного считать самого себя представителем экзистенциализма, к философскому и эсхатологическому оптимизму, явно противоположному пессимистическим и мрачным настроениям, царствующим в западноевропейском экзистенциализме.

Лев Шестов, самый известный наряду с Бердяевым русский философ XX в., считал религию важнейшим признаком человечности, но в качестве идеального типа религиозного состояния человека признавал не Христа, но Иова; Шестов истолковывал религию в радикально иррациональном духе и из этой перспективы отрицал в принципе всю европейскую философскую традицию (от Сократа по Ницше), делая исключение для Тертуллиана, Лютера, Кьеркегора, а также для Ф. Достоевского. Именно творчество Достоевского достой-

но наименования «критика чистого разума», совершенно бесосновательно присвоенного Кантом.

Николай Лосский, теория которого была попыткой соединения интуитивизма Бергсона с феноменологией Гуссерля (в которой, как известно, главное место занимает эйдетическая интуиция), пытался придать интуитивизму универсальный характер, утверждая, что интуиция необязательно должна быть только – как хотел этого Бергсон – постулированным путем к лучшему познанию (и противопоставленной здесь анализу и интеллекту), но она является основанием любого познания, любой познавательной и духовной активности человека, в познании же мы имеем дело просто с разными уровнями интуиции, самым высоким из которых является, конечно, религиозная интуиция. В свою очередь, такая интегральная перспектива для теории познания открывала Лосскому дорогу к холистической картине мира как органического целого.

Вполне можно предположить, что тем русским философом, который в ближайшем будущем получит популярность под стать Бердяеву и Шестову, является Семен Франк, автор профессиональной, целостной и тонкой философской системы, в которой характерные для традиции русской мысли мотивы прекрасно сосуществуют с наиболее отдаленными результатами философии Абсолюта Гегеля и Шеллинга (хотя сам Франк охотнее обращался к Николаю Кузанскому), а также с хайдеггеровской философией бытия и экзистенции человека. Новаторство и одновременно философско-религиозная укорененность мысли Франка совпадают, как представляется, в понятии пантеизма, обозначающего (согласно формуле пантеизма) заключенность мира в Боге, но в то же время (вопреки формуле пантеизма) незаклученность Бога в мире. Шмид толкует это так: «Бог в нас, с нами, но и вне нас» (С. 178).

Мысль Сергея Булгакова, вырастающая из поисков в сфере политической экономии, а также т. н. легального марксизма, представляла собой попытку сохранения свободы человека как индивида без впадения в крайний индивидуализм Ницше и Штирнера, а также защиты человеческого коллектива от впадения в биологический коллективизм Фейербаха и общественный коллективизм Маркса. Напряженные интеллектуальные и духовные поиски привели Булгакова к идее христианского социализма, наиболее реальным историческим фактором которого было, как полагал философ, русское правосла-

вие. Результаты философских размышлений принципиальным образом повлияли и на его личную жизнь: в 1918 г. он был посвящен в духовный сан. Однако свободный дух философских поисков Булгакова нередко возбуждал даже серьезные споры с официальным учением православной церкви, а восходящая к Соловьеву софиологическая концепция привела к официальному – хотя не до конца однозначному – обвинению философа в ереси.

Православным священником стал еще один выдающийся русский мыслитель – Павел Флоренский. Его философия была попыткой обогащения религии интеллектуальным скептицизмом (который должен религию обосновывать и делать более чуткой), логикой (имеющей скорее характер диалектический, чем формальный) и, наконец, эстетизмом и артистизмом, а также техницизмом (сходным отчасти с идеями Федорова).

Своего рода сочетанием всех этих вопросов можно считать у Флоренского теорию символа, чрезвычайно интересную саму по себе, но которая в то же время должна быть введением в «конкретную метафизику». Следует отметить, что после революции Флоренский не покинул России, что до некоторой степени он имел возможность развивать свои всесторонние интересы, однако в 1937 г. был расстрелян. Большое значение имеют начатые им исследования семиотики иконы, причем как для семиотики, так и для иконы. Именно Флоренскому мы обязаны пониманием иконы как «окна вечности».

Воззрения Владимира Эрна являются оригинальным, почти дерзким проектом соединения просвещенческой концепции государства, русской софиологической мистики и веры в научно-технический прогресс. Однако сильная славянофильская печать на интеллектуальных и политических идеях Эрна значительно уменьшила его влияние и значение, причем независимо от интересной формулы его новой установки славянофильства, сводящей оппозицию Россия–Европа к философской дихотомии *Logos-Ratio*.

Евгений Трубецкой, автор одного из первых трудов о Соловьеве (очень хорошего, обширного, до сегодняшнего дня ценимого и творчески используемого в научной среде), как философ был тонким изыскателем распространенного в русской мысли «греха» пантеизма, а также одним из провозвестников философии зла XX века (борющейся с оппозицией между августинской концепцией зла как отсутствием добра и разными версиями манихейской онтологической равноправ-

ности зла и добра). Трубецкой был также критиком кантианской и неокантианской субъективистской концепции познания и субъекта, которой противопоставлял идею межличностного со-знания, утвержденного в Абсолюте.

Густав Шпет, в свою очередь, был самым выдающимся в России представителем неокантианства и феноменологии – течений, которые считаются довольно чуждыми всей русской философской традиции, но это мнение при более глубоком анализе кажется неоправданным, в сегодняшних же исследованиях русской мысли мы находим многие примеры – порой неожиданного – родства русской философии Абсолюта, теории познания и этики с феноменологией Гуссерля и Шелера. Некоторым своеобразным и одновременно русским признаком феноменологических поисков Шпета была их направленность в сторону философии языка, а также – что позже появится и у Гуссерля и его учеников – стремление к преодолению субъективистской концепции субъекта в пользу изучения и постижения в нем интерсубъективного, общественно-исторического аспекта. Это вело Шпета к постулату о том, чтобы в феноменологическом анализе учитывать герменевтику Дильтея. Благодаря феноменологической точности и герменевтической тонкости мышления Шпет является одним из глубочайших и наиболее радикальных критиков русской мысли, ее эмоционального нетерпения и страстности, ее эффективности и внушительности, под которыми часто скрывались интеллектуальная поверхностность и логическая расхлябанность.

Последний из рассмотренных в книге Шмида мыслителей, Алексей Лосев, принадлежит уже к следующему поколению русских философов, но благодаря его личным контактам в юности с представленными ранее философами, драматической и одновременно наполненной трудом и творчеством жизни, проведенной в России и СССР, он является чем-то вроде связующего звена между прошлым и будущим, эмиграцией и Россией, фигурой существенной, может быть даже ключевой для непрерывности русской культуры. В интересующем нас здесь аспекте философии религии некоторая оригинальность позиции Лосева заключалась в том – как верно и вдумчиво показывает Шмид – на выведении религиозной проблематики не из метафизики, но из языка и языковых явлений, в особенности мифов и символов. В результате его философия Абсолюта была одновременно целостной, инте-

гральной философией культуры и истории, в которой Бог является особым рода шифром к философской интерпретации, а не загадочным авторитетом конфессиональной религиозности.

В заключение этого краткого представления воззрений героев книги Шмида следует сказать, что его труд наглядно, убедительно, многосторонне, а также на конкретных примерах показывает европейские и универсальные контексты, связи и измерения русской философии, ибо таким – европейским и универсальным – является ее интеллектуальный уровень и культурное значение. Он показывает также, что, несмотря на то, что русская мысль развивалась в большей, быть может, степени в форме философской эссеистики и художественных текстов, чем философских трактатов (хотя и последние имеются), это ни в коей мере не может оправдывать какого бы то ни было снисходительного к ней отношения или упомянутой выше поправки.

В заключении работы Шмид указывает четыре главные черты русской философии. Вот они:

- стремление к правде, своего рода одержимость правдой, понимаемой как достижение какой-то «архимедовой точки» с целью разумного описания и истолкования мира, а также человека, способной одновременно быть «точкой приложения» для преобразования мира; познавательная и теоретическая одержимость сочетаются тут же с этической и практической;
- практическая установка, направляющая философское мышление не только в сторону этики, но также политической реальности; ощущение долга мысли перед практикой, наиболее ярко выраженное в широко известном заглавии произведений Чернышевского, Толстого и Ленина, которое легко можно отнести к десяткам других текстов самых разных авторов: *Что делать?*;
- определение своего тождества посредством критического отношения к традиции европейской философии, в особенности к теории познания Канта;
- спекулятивно-созерцательная направленность, которой сопутствует толкование индивида в его отношении к общим качествам: Богу, истории, обществу (общине, Софии, соборности); индивид достигает здесь полной субъектности не столько в своей автономии, сколько в постижении универ-

сального, объективного подтверждения этой автономии, которое одновременно обвиняют (хотя часто непродуманно и «про запас») в ограничении или даже в отрицании автономии.

Книга Ульриха Шмида издана красиво и аккуратно, она ясно спланирована и с большой заботой отредактирована, и только поэтому автор настоящей рецензии позволяет себе закончить ее несколько мелочным и придирчивым указанием на ошибку в дате смерти Петра Чаадаева: не 1845 (С. 10) а 1856 год.

Януш Добешевски